

ЛЕНИНСКОЕ ЗНАМЕ
г. Москва

26 АВГ 1987

ТИХАЯ речка Мележа, приграничная с Владимирской землей, все так же прозрачна. И липы все те же в бывшем барском парке, только состарились. А вот зеркало прудов помутнело, затянулось ряской. И не заглянуть в него, как бывало заглядывал в задумчивости, бродя по их берегам, герой 1812 года Александр Александрович Алябьев. О чем думал, о чем тосковал, чему улыбался в одиночестве красивый, рано состарившийся воин? Вспоминал ли лихие дни сражений в отряде легендарного Дениса Давыдова? А может, припоминал едкие остроты друга своего — опального дипломата и писателя Александра Грибоедова? Может, мечтал о желанном и

чать его жизнь и слушать, слушать его творения, знаменитые и безвестные. Человек этот — подвижник в полном смысле слова. И без него, без его почти десятилетней самоотверженной работы с сельчанами, сотрудниками музеев, архивов, длительной переписки с Министерством культуры не было бы реставрации церквушки XVIII века, где венчался когда-то Алябьев со своей суженой — Екатериной Александровной Римской-Корсаковой, не узнали бы рязанцевские старожилы всех перипетий жизни композитора, не узнали бы много прекрасной, облагораживающей душу музыки.

Имя этого человека — Сергей Алексеевич Пашков. Он скрипач,

к молодым передается, как святыня, завет — беречь свою малую родину. Недаром же на праздник алябьевский — подсобить родителям — приехали многие молодые, уже не живущие в этих местах. И даже дальняя родня, случайно в этот день в селе оказавшаяся, не стала чиниться, понимая, какой день. Целыми семьями работали. Таскали кирпичи, вывозили строительный мусор. И будто причащались чистому, возвышенному, сокровенному.

И может, потому удалось избежать и в другой части праздника — торжественной — всякой официальщины, казенщины, что тон этот был задан очищающей утренней работой.

После полудня, отмывшись, принарядившись, собрались в сельском Доме культуры. Молоденькая, с живым, сияющим взглядом женщина —

память об Алябьеве — музыковед Бориса Доброхотова и руководителя камерного оркестра из Владимира В. И. Корначева, не доживших до юбилея.

И мне показалось это очень значимым — память на добро сегодняшнее, которую нельзя оторвать от памяти о дне вчерашнем. Вообще, это переплетение двух эпох, прошлого и настоящего, где эгегическое преложение перед минувшим пробуждает практическую энергию сегодняшнего дня, — особое достояние маленького, неизвестного в общем-то села Рязанцы.

Со сцены ли, в частном разговоре — но всякий раз речь вели жители села об одном: как быстрее восстановить памятник культуры, как организовать в нем музей, открыть концертный зал, постоянно действующую экспозицию, посвященную Алябьеву. И все это не пустые мечты. Представитель ВООПИК, выступая на юбилее, без лишних слов посоветовала: поскорей принимайте в сельсовете решение, каким быть внутреннему уб-

ПОСВЯЩЕНИЕ

почти целую жизнь невозможно — браке с любимой, боготворимой им женщиной, отданной замуж за другого? А может, просто вслушивался в голос своей души, перевода его в мелодии, повторяя провидческие слова одного своего современника: «Музыка — мятежная душа наша...».

Кажется, так далеки от нас годы, когда жил в этих местах в селе Рязанцы Александр Алябьев — первая треть девятнадцатого века. И из всей его музыки еще совсем недавно здешние жители знали лишь «Соловья». Да и многим ли из нас известно, что в сокровищнице композиторского наследия есть и другие чудные романсы, и камерные ансамбли, и оперы, и запись жемчужин народного творчества — русских песен? Так почему же не забыт композитор случайными его земляками (попал он в Рязанцы доживать по нездоровью ссыльные годы в кругу сестриной семьи), почему из рода в род передают жители Рязанцев предание об опальном барине, почему с таким энтузиазмом взялись за восстановление единственного здания, хранящего память о композиторе, почему всем окрестным миром собрались на праздник, посвященный 200-летию со дня его рождения?

Как и у всякого жизненного явления, связанного с душевными движениями, порывами человека, причин тут, видно, множество. Но две из них, наверное, главные, мы можем обозначить. Одна — неистребимое в нашем народе чувство преклонения перед каждым, кто чем-то, хоть малым делом, послужил Родине. А Алябьев отважно защищал Россию от завоевателей, был ранен. И, конечно же, прославил, всемирно возвысил русское музыкальное искусство, выпустив на свет своего бессмертного «Соловья».

Вторая причина с преклонением этим связана, из него произросла. Нашелся человек, сумевший душевный порыв перевести в земное русло, объединить рязанцевских жителей на конкретные дела, добиваться, докапываться до мельчайших подробностей алябьевской биографии, которых еще и в трудах музыковедов не сыщешь, изу-

РЯЗАНЦЕВСКОМУ

Лирический репортаж из подмосковного села, где полтора века земляки бережно хранят память о российском патриоте и композиторе Александре Алябьеве.

преподаватель школы искусств в Калининграде. В Рязанцы судьба привела его случайно — захватил как-то отдохнуть в живописном месте. Но, зная, что края эти чем-то связаны с именем Алябьева, заинтересовался, увлекся и увлек за собой целое село, хоть и небольшое (всего семьдесят дворов), но цельное своим человеческим костяком.

Сегодняшний день — день, не побоюсь сказать громко, человеческого триумфа Сергея Пашкова. Вглядимся в его одухотворенное, доброе лицо — печать усталости не может стереть счастливого блеска глаз. Да и как не возрадоваться душой? В день юбилея композитора всем селом пришли люди почтить память земляка. И не речами, не цветами, хоть и цветов было вдосталь, а работой на восстановлении архитектурного памятника. Посильно, кто сколько сможет, с раннего утра помогали реставраторам, не боясь самой черной работы. Да и может ли быть «черной» работа, которую совершаешь для души?

Рязанцы по всем социологическим параметрам — село малоперспективное. Живут в нем преимущественно люди немолдые. Молодых забрала фабрика, соседний совхоз. Уезжают жить на центральную усадьбу. Но подумалось: можно ли счесть неперспективной, умирающей деревню, где так жив, так силен дух человеческий? Где от старых

СОЛОВЬЮ

директор ДК Надежда Дементьева все волновалась: вдруг места всем не хватит — тесен старый деревянный дом. Но утешились, усьелись и притихли в ожидании. А на сцене ни президиума, ни прочих атрибутов привычных нет. Осеняет зал большой портрет Алябьева, рисованный местным совхозным художником. Редкость. Ведь портреты композитора отыскать нелегко, даже в книгах репродукции редки.

В уголке скромно столик приютит. На нем проигрыватель. Подошла к нему Надя Дементьева, рдеющая от значительности момента. Сказала: «Какой же у нас сегодня день, товарищи! Александру Александровичу — двести лет. Несравненно нашему соловью...» — и прикоснулась иглой к диску.

Пела Антонина Нежданова. Выводила рулады знаменитого романса, слышанного всеми нами сотни раз. И в который уж раз переживали мы умиление сердца, и гордость, и счастье за Отечество, подарившее миру «Соловья».

А потом поднялся из зала, где скромно сидел среди безмерно уважающих его пожилых людей, признавших пришлое Пашкова безоговорочно своим, рязанцевским, Сергей Алексеевич. Может, и чуточку длинна была его речь — ведь столько подробностей, столько событий, известных и еще вчера тайных или забытых, о жизни Алябьева хотелось ему поведать. Где-то на середине рассказа остановился Сергей Алексеевич в смущении. Как истинно интеллигентный человек боялся прискучить. Но из зала ободрили — давай, мол, продолжай. И Пашков досказал, а потом, обратившись в зал, попросил почтить память тех, кто добрым делом помогал рязанцевским жителям восстанавливать

ранству, — в течение сентября горисполком утвердит проект, начнутся работы.

Энтузиаст восстановления памятников архитектуры и культуры, отставной офицер Владимир Николаевич Марушкин подсказал: «Не отриньте от работ на восстановлении и тех, кто по роду племени вроде бы и не местный, к примеру, ребяташек из соседнего пионерского лагеря «Романтик». Пусть поработают, почувствуют свою причастность к благородному делу, душой поймут: в России мы везде дома...».

А ведь еще семь лет назад и мечтать о таком не приходилось. Тогда, собравшись на сельский сход, приняли жители Рязанцев решение написать письмо в Министерство культуры РСФСР — просить «добро» на реставрацию развалившегося здания. Длительная была переписка, но все же добились своего. Потребовали от сельсовета навести порядок на прудах, восстановить их в полной былой красоте. И как же приятно было услышать на юбилейном собрании слова секретаря сельсовета Татьяны Арсеньевны Фроловой о том, что такое решение принято, — будет сиять прозрачной гладью все ожерелье рязанцевских прудов.

...А потом над затихшим селом, отражаясь в акустически совершенном природном концертном зале, полилась музыка. Песни — народные, столь близкие лире Алябьева, современные, выросшие из их напевов, интонаций, состоящие с ними в сердечном родстве, звучали над селом долго. Звучали, как посвящение рязанцевскому соловью.

Л. МОДИНА,
наш спец. корр.

с. Рязанцы,
Щелковский район.